

The top half of the image features dark, stylized pine branches with needles. Two black lanterns with tassels hang from the branches. The lanterns have a small white symbol on them. The background is white with small black dots representing stars.

ЧАСТЬ I СТРАННИЦА

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Глава I

Пленница

Япония, начало XVII века

Шин

С тех пор как старый служитель храма Инари, Исумаки Камамото, закрыл у нас над головой двери в подземелье, я потерял счет времени. Проход был узким, и, задевая плечами земляные стены, я едва сдерживался, чтобы не браниться при своем спутнике. Я злился на себя за то, что не послушал Коджи и пренебрег доспехами, злился на него за то, что в кои-то веки племянник решил не настаивать.

— Откуда здесь этот тоннель? — Я оступился и, с трудом удержав равновесие, тихо зашипел.

Священник отвел морщинистую руку с факелом в сторону и скосил на меня взгляд:

— До леса Пойманных Душ день пути, господин. И это для немощного старика. А демону раз плюнуть добраться сюда. Если бы мы не укрылись, то не шли бы сейчас здесь с вами. Сами сделали, кто ж еще. Когда жить захочешь, и не такое сотворишь.

— Что еще за лес Пойманных Душ? — прокряхтел я: тоннель внезапно стал еще уже и мне пришлось сгорбиться, прижать руки к груди и втянуть шею в плечи.

— Да как же! — в голосе священника сквозило недоумение. — Вы, Шиноту-сама, из *такого* рода и не знаете?

— Из какого такого?

— Какой вы скрытный, — хмыкнул священник. Он опустил факел, и пламя осветило бурую землю, размытую водой. Видимо, здесь были какие-то источники. — Вы хоть и носите эти платки на голове, да разве я не знаю, что под ними?

Ах ты старый жук! Я стиснул пальцы в кулаки, а надо бы стиснуть их на морщинистой шее... Отродясь не встречал я ни демонов, ни прочей нечисти и стал уже забывать, что в мире еще остались такие вот древние священники, повивавшие не только темные стороны войны*, но и тех, кому вообще не положено показываться среди смертных.

Я уже искал пути отступления, прикидывая, как свети тему на нет, но священник замолчал. То ли был таким деликатным, то ли мы приближались к цели. Видимо, все же второе, потому что внезапно мне удалось выпрямиться и вдохнуть полной грудью: затхлый воздух, наполнявший тоннель, улетучился и повеяло прохладой.

Коридор изогнулся, и мы оказались в просторной пещере. Там я невольно зажмурился и даже закрыл глаза рукой — так сильно меня ослепило.

— Другого выбора нет: ей во тьму нельзя, — донесся бесстрастный голос священника.

Я заморгал и, когда глаза привыкли, увидел перед собой металлические прутья, идущие прямо из каменного потолка и уходящие в стальное основание.

— Пришлось укрепить, — пояснил священник, поймав мой удивленный взгляд. — Мы тогда не знали, насколько она сильная. Сейчас, конечно, опасности нет, совсем высохла... Да вы смотрите, смотрите. А то зачем пришли тогда.

---

* Период Сэнгоку в Японии (вторая половина XV — начало XVIII века) — «эпоха воюющих провинций».

И я подошел к клетке. Свет лился прямо с потолка — приторно-желтый, очень яркий, — ярче полуденного солнца. И в этом свете растворялись все детали.

— Там наверху офуда*. — Священник указал на потолок. Но мое внимание было обращено к ней.

На первый взгляд бесформенная груда в ветхих синих одеждах. Ноги скрестила, выставив иссушенные старостью грязные пальцы. Голову склонила низко, укрыв себя длиннющими спутанными волосами — такими пыльными, что даже цвета не разобрать. А ладонями уперлась в колени, как будто пыталась подняться, да сил не хватало.

Меня пробрало отвращение, смешанное со страхом. Никогда прежде я не видел демонов.

— Это она? А говорили, что Страница — красавица неопишемая, оттого и опасная такая. Но это... — я не находил слов, — рухлядь какая-то.

— Шиноту-сама, так двадцать лет прошло. Закрыли мы ее красавицей, но старость свое взяла.

— Старость, — повторил я, пробуя это слово на вкус. Схватившись за прутья, я продолжал наблюдать за фигурой в клетке. Она сидела неподвижно, словно и не дышала вовсе. — Разве демоны стареют?

— Стареют, если лишить их источника силы. — Священник пожал плечами.

— Ее источник — темнота?

— Да. Офуда я вам дам — используйте ночью.

— А ее сила может вернуться?

— Кто знает... Ну что, забираете?

Впервые за два года поисков я замешкался. Не осталось на свете человека, который ненавидел бы демонов больше, чем я. Мое сердце переполнялось такой лютой злобой при одном лишь упоминании о них, что самому становилось

---

* Разновидность талисмана или амулета.

страшно. Да только кто мне еще поможет... Кто еще проведет меня на ту сторону?

Я сверлил взглядом ее пальцы, как будто ждал, что ответ появится на бледных высохших костяшках, и вдруг она подняла голову и уставилась на меня жуткими, полисьи изогнутыми глазами — такими черными, как будто в них и был сокрыт проход, который я так долго искал.

— Рэйкен ее зовут, — словно издалека донесся голос священника.

— Демон она, и всё тут, — выдохнул я.

Старуха опалила меня темнотой своих глаз, а потом внезапно — едва уловимо — покачала головой. Бледные губы изогнулись в жуткой презрительной усмешке.

Третий день мы идем с нашим грузом, выискивая безопасный путь в поместье Сугаши. Можно было бы пройти через деревни и выиграть сутки, но если жители увидят нас в компании демона — сразу убьют. Даже несмотря на мой рассеченный шрамом глаз и блестящий колчан за спиной.

Меня зовут Шиноту Сугаши, и я самый глупый человек на свете. Мне посчастливилось расти в золотое время, ходить по земле, очистившейся от крови минувших войн, дышать воздухом, свободным от злобы и мести. Мне суждено было жить бок о бок с другими людьми, не страшась быть обманутым демонами, не боясь за чистоту душ своих родных.

И вот я иду, и мою спину прожигает темный взгляд мерзкого отродья.

Рэйкен. Я не хотел помнить ее имени, но слова священника не шли у меня из памяти. Я вспомнил их, когда вместе с моим племянником Коджи переместил старуху в клетку,

установленную на повозке, а служитель святилища Инари закрепил на прутьях защитные офуда и на прощание благословил нас молитвой.

Рэйкен ее зовут.

Голос его надломился, и я уловил странные нотки... горечи? Что это могло значить? Священник не хотел отпустить ее? Но я же избавил его святыню от демона, да еще и денег оставил в придачу столько, что им на век вперед хватит — и храм содержать, и сироткам помогать.

Рэйкен.

Имя-то какое. Резкое, хищное, хитрое. Мне захотелось произнести его вслух, чтобы убедиться: эти шесть букв звучат как проклятье. Рэй-кен.

Коджи стал уговаривать нас сделать привал, и я нехотя кивнул. Пока мои спутники разбивали лагерь, я невольно скосил взгляд на повозку. Старуха сидела в той же позе, что и в подземелье, и все так же смотрела вниз. Ее новая клетка была в разы меньше. Мы купили ее в одной из деревень по пути в храм Инари. Я хотел укрепить ее металлом, ввинтить в пол цепи и разместить крепление для головы. Кто знает, с какой силой нам предстояло столкнуться. Но, узнав о моих намерениях, Коджи от смеха упал на колени и трясся еще долго — я даже трубку успел раскурить.

— Дядя, ты, конечно, меня удивляешь. Она двадцать лет взаперти провела. Смотри, скоро в пыль рассыплется. Но чтобы тебе было спокойно, я попрошу священника скрепить клетку заклятьем.

Я хмуро оглядел это самое «заклятье»: полосы пергамента с черными иероглифами. Коджи, конечно, верил в могучую силу служителей, верил, что эти каракули сдержат демона. Но я-то боялся. И ненавидел себя за это.

Я взглянул на своего друга Кацу: тот одобрительно кивнул, и его ухмылка утонула в жесткой бороде.

Местом для привала мои спутники выбрали клочок земли на берегу тонкой речушки, протекавшей через пшеничное поле. Солнце стояло высоко и светило жарко. Я весь взмок. Пришлось снять колчан и лук и освободиться от доспехов, которые я все-таки надел сразу, как только вышел из святилища. Закатав рукава короткого кимоно, я опустился на колени, щедро зачерпнул воды в ладони и умылся. Горячий ветер в мгновение высушил кожу.

Кацу снял черное хаори*, омыл шею и руки, а Коджи подвел кобылу к реке и дал напиться.

Изнемогая от жары, я снова взглянул на старуху в клетке и невольно подумал, каково ей было столько лет... Но чувствуют ли демоны? Холод, жару, жажду, боль...

Словно прочитав мои мысли, Коджи подошел к повозке и просунул между прутьями чашу с водой.

— Пей, — властно сказал он.

Я улыбнулся. Мой Коджи не был кугэ**, не вращался в знатных кругах, но его голос и манеры с детства были полны императорского достоинства. Такой же была и его сестра Мидори.

Демон никак не отреагировал на великодушный жест. Тогда Коджи поднял с земли палку и подтолкнул чашу к старухе:

— Пей.

Мы с Кацу с любопытством наблюдали за этой картиной. Коджи скрестил руки на груди, расправил плечи и требовательно уставился на пленницу. И — вот чудо — ее одеревенелые конечности зашевелились, пальцы с длинными когтями задвигались. Она протянула руку к чаше

---

* Жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно.

** Аристократ.

и попыталась за нее ухватиться, но морщинистые руки тряслись так сильно, что ничего не вышло: чаша опрокинулась и вода растеклась по полу клетки.

Кацу усмехнулся, но Коджи нахмурился. Старуха опустила ладонь в лужицу, промокнула пальцы, а потом поднесла их к губам и облизала.

— Ей надо пить. И есть, — сказал племянник. — Как будем ее кормить? Эй, чем ты питаешься?

Ответа не последовало. Кряхтя, демон приняла свою обычную позу, только голову склонила еще ниже.

— Оставь, — буркнул я, зачерпнув воды из реки. — Будет есть то же, что и мы. Перекусим и двинемся дальше.

— Куда, Шиноту? — подал голос Кацу.

Он небрежно накинул хаори на голые плечи и уставился на меня с деланным равнодушием. Но я хорошо знал своего друга.

— С юга не обойти — селения, с другой стороны — болота. Может, прямо? — Он указал рукой вдаль — туда, где виднелись темные пятна деревьев.

И в этот момент случилось неожиданное. Старуха зашевелилась, упала на колени, медленно подползла к прутьям и ухватилась за них, выставив угловатую морду. Мы с Коджи одновременно схватились за оружие, но быстро сообразили, что опасности нет: уткнувшись впалыми щеками в решетку, она просто смотрела вперед.

— Это лес Пойманных Душ, — тихо сказал Коджи, убирая меч в ножны.

— Ну и что. Демонов там давно никто не видел, а нам надо пройти, — хмыкнул Кацу.

— Там очень темно, — возразил я, выживая из походного мешка смятую карту. Разложив ее на земле, я ткнул в точку на юге от огромного леса. — Это разве не твое родное селение? От него ведь ничего не осталось?

Кацу хмуρο кивнул.

— Значит, людей там нет. Мы можем спокойно обогнуть лес и двинуться в его сторону. На пути к поместью еще четыре деревни, — я по очереди ткнул пальцем. — Жилые они или нет — неважно, мы можем идти ночью.

— Минимум двое суток на то, чтобы обогнуть лес, и еще четыре дня и четыре ночи, чтобы пройти деревни? Глупости, Шиноту! Пройдем через лес за два дня и еще через день будем дома.

Я сложил карту, убрал ее обратно в мешок и выпрямился.

— Кацу, если что-то случится в этом лесу и мы ее потеряем, я себе никогда не прощу. Это последний шанс найти Мидори.

Какое-то время мы с Кацу испытующе смотрели друг на друга. Потом он коротко кивнул. За спиной у меня Коджи облегченно вздохнул. Я обернулся: вслед за старухой он уставился вдаль. В его глазах заискрилось любопытство.

— Что, демон, к своим хочешь? — усмехнулся я, подходя поближе. — Небось чувствуешь их.

Старуха повернула голову ко мне и беззвучно зашевелила губами.

— Что ты там лопочешь?

— И... ид...

— Что?

— И... ди... от.

— И-ди-от? — Коджи несколько минут удивленно смотрел на меня, а потом разразился заливистым смехом. Кацу подхватил.

Старуха сверкнула черными глазами, дернув уголками губ, и снова повернулась к лесу. Я вдруг почувствовал такую злость, что, подбежав вплотную к клетке, хотел, просунув руки, схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть, а то и вовсе оторвать голову, потому что впервые в своей жизни я видел демона и хотел убедиться, что простому смертному

по силам побороть его... Но ничего этого сделать я не успел: стоило мне приблизиться, как демон резко вскинула руку и сдернула зеленый платок, которым я обматывал голову. Мои волосы, закрученные в десятки каштановых локи, тяжело рассыпались по плечам. Старуха зарычала, распахнув глаза, бросила платок в мою сторону и отползла в глубь клетки.

— Хого, — шепнула она.

Хого. Защитник. Мой род, род Сугаши, в прежние века защищал людей от демонов. Мы не были первоклассными воинами, да и в битвах почти не участвовали. Исключительным в нас было то, что наша аура способна была укрывать людей от демонического чутья.

Но как именно — увы, этого я не знаю.

Мой брат исчез, так и не посвятив меня в тайны происхождения Сугаши. Я знал лишь, что мало кто из демонов видел нас и мало кто из людей помнил о нас и мог описать своего спасителя. На протяжении веков мои предки держались в тени, каким-то неведомым образом защищая смертных от зла. И еще наши волосы... Мы рождались с локи, которые невозможно было расплести или распутать.

После смерти брата я пытался изучить историю рода Сугаши, но мало преуспел в этом. Выжившие на войне никогда не слышали о хого, да и мало кто хотел вспоминать те времена. Записей не сохранилось, и я убеждался в словах брата. За несколько дней до своего исчезновения он сказал мне:

«Хого — это не та история, которую нужно записывать. Хого — это твое сердце. Ты — самая большая тайна и возможность однажды даровать людям шанс на мирную жизнь. Когда придет время, ты найдешь в себе это».

Значит, я был тайной. Но эта старуха, как и священник, сразу поняла, кто я такой. И, кажется, она испугалась. Только не колчана с блестящими наточенными стрелами и не прочных прутьев новой клетки, а моих волос.

Мы решили обойти лес Пойманных Душ с восточной стороны и, казалось, правильно рассчитали расстояние. Но не планируя даже приближаться к нему, каким-то непостижимым образом к закату очутились у его подножия. Не сговариваясь, мы остановились и нерешительно уставились на таинственную, вытянувшуюся до небес стену мощных стволов, увенчанных густыми кронами.

Коджи оглянулся на поле, а потом обратил ко мне озадаченный взгляд:

— Чувствуешь?

Я молча кивнул. Из леса веяло мертвым холодом. Воздух стал колючим, и в душе вдруг разлилась такая тоска, что мне захотелось вернуться на жаркое поле, снова умыться речной водой и навсегда забыть о демоне в клетке. На миг я представил сакуру — единственное дерево, росшее вблизи поместья Сугаши, и вымощенную желтым камнем дорожку, по которой любила гулять Мидори. Вспомнил, как ходил за ней и пытался шутить, но получалось глупо. Каждый раз она звонко смеялась, подбегая ко мне, и гладила по щеке, а ее кристально чистые голубые глаза игриво сияли.

— Мидори, — прошептал я, и реальность в одночасье обрушилась на меня.

Ее больше нет.

— Не знаю, как вы, а я не хочу идти вдоль этого леса ночью, — заявил Кацу.

— Ты же рвался напролом!

— Передумал, — отрезал он, нервно потирая шею. Мой друг казался напуганным. — Давайте заночуем здесь, по очереди будем дежурить.

Перспектива ночевать возле леса пугала меня еще больше, чем дорога в темноте вдоль него, но нам нужно было поспать. Мы отошли в сторону на несколько десятков метров и разбили лагерь: разложили одеяла, Коджи развел костер и нагрел воду в походном котелке.

Стоило солнцу скрыться за горизонтом, как нас обдало ледяным ветром. Мы согрелись горячим чаем, хотя я знал, что у Кацу припрятана бутылка саке и алкоголь сейчас подошел бы больше. Но ночуя с демоном, да еще и вблизи этого жуткого места, стоило сохранять трезвость рассудка.

Покончив со своей порцией, Кацу наполнил миску остатками риса, бросил сверху разогретую булку и подошел к старухе, по-прежнему неподвижно сидящей в позе лотоса. Он что-то тихо сказал ей.

— Интересно, что они... — начал было Коджи, поднимаясь, но я удержал его:

— Не нужно.

Племянник разочарованно вздохнул, но подчинился. Он устался на лес. В ярких голубых глазах Коджи отражались языки пламени. Он вглядывался в неизвестность, таящуюся между стволами деревьев. Я нахмурился. Мы никогда не обсуждали это, но я знал, что Коджи помешан на демонах. Его влекло к тайным знаниям с самого детства. Каждый раз, когда он слышал о предмете своей одержимости, утонченные черты его лица преобразались, вспыхивали и на щеках выступал румянец. Меня это пугало.

Я не мог в полной мере довериться Коджи, так как опасался, что из любопытства он пренебрежет осторожностью и подвергнет опасности всех нас. И я бы никогда не взял его с собой, если бы не одно но: Мидори была его

сестрой. Не просто сестрой, а близнецом, и Коджи отчаянно хотел узнать, почему ее забрали у нас.

Кацу вернулся спустя несколько минут. Старуха осталась неподвижна.

— Хотел покормить, — бесцветно сообщил друг, выживая из-за пазухи темно-желтую косынку из змеиной кожи. — Ну а что: сама она не ест, а я боюсь, что такими темпами мы привезем в поместье труп.

Он повязал косынку на голову и поправил ножны с двумя кинжалами:

— Ложитесь спать, я дежурю первым. Через пару часов разбужу тебя, Шин.

В затылке странно кольнуло. Я ощутил необъяснимое предчувствие.

— Слушай, друг, — тихо сказал я, укладываясь на походное одеяло, — а ты раньше слышал об этом лесе? Что тебе дед рассказывал?

— Немного. Лет сто назад какую-то женщину из крестьян обманули. Она умерла, но перед смертью связала себя с этим местом заклинанием. Не знаю подробностей, Шин, но дедушка говорил, что из-за этой магии лес с тех пор притягивает души женщин, умерших не мирной смертью. Поэтому он и называется лесом Пойманных Душ. Это все, что я знаю.

Я лежал на спине, думая о том, что рассказал Кацу, и вслушивался в звуки леса. Меня терзало глупое желание услышать что-то из ряда вон выходящее, чтобы появился предлог убраться отсюда побыстрее, но вскоре треск догорающего костра и тихий стрекот цикад увлекли меня в сон.

— Шиноту! Коджи!

Голос Кацу ворвался в мое сознание. Я вскочил, в панике озираясь по сторонам. Мой взгляд остановился на друге, который яростно пинал клетку. Открытую клетку.

— Ох... — вздохнул Коджи за спиной.

— Простите меня, — вопил Кацу. — Я заснул. Не собирался же... Вот черт! Она сбежала, Шин!

Втроем мы одновременно посмотрели в сторону леса. Проклятье! Да как это случилось, она же едва дышала! Наспех покидав вещи в походные мешки, мы бросились к пугающей стене из деревьев. На минуту Коджи отстал, чтобы освободить лошадь от сбруи.

— Беги! Давай! — крикнул он на ходу, догоняя нас.

Войдя в лес, мы словно перепрыгнули черту, отделяющую нас от прежнего мира, и, оказавшись в кромешной темноте, застыли. Здесь было тихо и спокойно. Именно таким мне и представлялся загробный мир. Я всматривался в мертвую черноту и, к своему ужасу, не без странного удовольствия ощутил на коже эту опасную прохладу, коей было пропитано здесь все: ветхая земля под ногами, темные стволы исполинских деревьев, листья, покоящиеся на ветвях. Ни шороха, ни звука.

Мы медленно двинулись вперед. Сначала тишина не внушала опасений, но чем дальше мы удалялись от границы и по мере того, как блеклый звездный свет уходил из поля зрения, тем сильнее нас одолевала тревога. Я чувствовал, как менялось настроение моих спутников, видел, какими нервными становятся движения Кацу, затылком ощущал возросшую настороженность Коджи.

Сколько прошло времени — не знаю, но в какой-то момент, когда деревья расступились и тропинка расширилась, Коджи тихо охнул и остановился.

— Что?

— Не знаю... — Оглядевшись по сторонам, мой племянник присел на корточки, вытянул ногу и, задрав штанину, оголил лодыжку и внимательно осмотрел. — Как будто что-то коснулось...

Я машинально взглянул на Кацу и успел лишь заметить озадаченность на его лице, как тут же отскочил в сторону: мне в голову что-то врезалось.

Мы встали спинами друг к другу и схватились за оружие. Я натянул тетиву, яростно выискивая наконечником невидимую цель. Кацу вытащил свои ножи и принял боевую стойку, выставив кулак, сжимающий рукоять, перед грудью. Коджи обнажил клинок.

Но вокруг все замерло.

Кацу шикнул и кивком предложил двигаться дальше. Мы тихо ступали, напуганные и настороженные, высматривая в темноте опасность. Звенящая тишина давила, обманчивое спокойствие молотом било в виски, и все тело покрылось вязким, липким потом.

Мы всё шли и шли, и в какой-то момент даже расслабились. Я все еще держал стрелу наготове, но острием вниз, Коджи убрал свой вакидзаси* в ножны, и только Кацу сжимал кинжал на уровне груди, голодным взглядом провожая темноту.

Опасная тишина...

А потом из недр леса вырвался серый поток, похожий на грязное плотное облако, и понесся прямо на меня. Я прицелился, но размытое нечто взвилось вверх в сантиметре от моего лица, скрывшись в густой кроне. И я выстрелил.

— Что это было? Вы видели?

— Ее проделки? — предположил Кацу.

— Вряд ли. Она наверняка уже далеко убежала.

Мы разбрелись в разные стороны. Я держал стрелу наготове, осторожно осматривая ближайшие деревья. Трава вокруг них пожухла, смешалась с грязью, ноги ворошили прогнившие листья.

А потом в воздухе снова сгустились грязные клубни. Они со свистом рассекали кроны, лавируя между стволами. Кацу выпрыгнул из-за деревьев, размахивая клинками. Мелькнуло лезвие меча Коджи. Кто-то из них выругался, взвизгнул. Я взял на прицел один из сгустков,

---

* Короткий японский меч.

притаившийся в верхушке ближайшего дерева, выстрелил, но промахнулся, и он спикировал на меня. Я потянулся к колчану за новой стрелой, но вдруг что-то врезалось в меня сбоку. Выронив лук, я отпрыгнул и ударился о ствол спиной. Пригнулся, на ощупь ища оружие.

Справа Кацу сдавленно закричал, и черноту леса рассек очередной сгусток. Я увидел друга, распластавшегося на земле. Он вытянул руки перед собой, шаря пальцами в траве в попытках схватить нож, а призрачный сгусток стремительно несся на него.

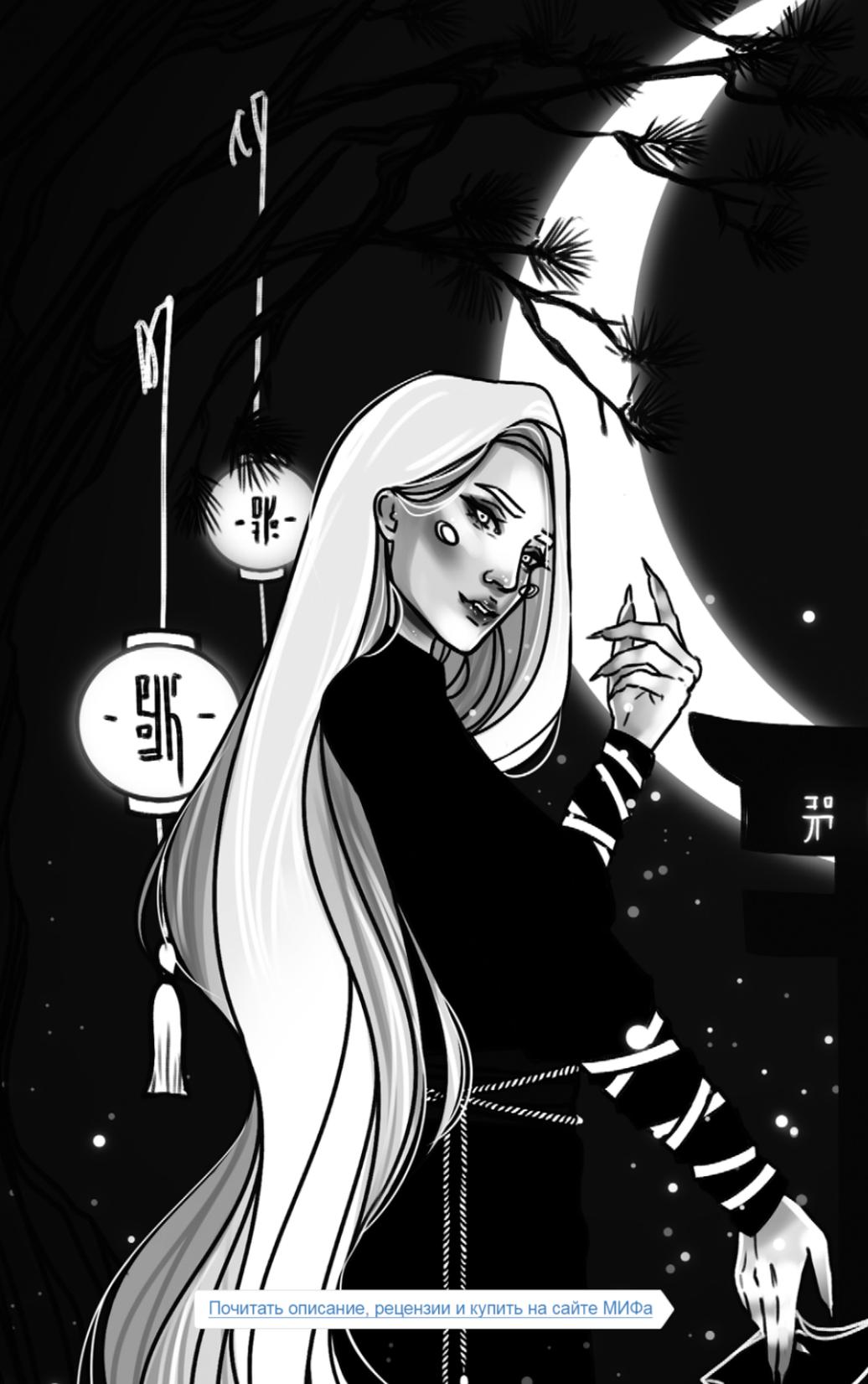
И вдруг между нами вспыхнуло что-то яркое. Из ниоткуда возникли желтые полосы, разрезавшие темноту, словно звериные когти. Кацу сгруппировался, закрыв голову, и тут же над ним высветилась чья-то рука. Сгусток врезался в запястье, но острые когти растерзали его одним движением, оставив над Кацу лишь стаю угасающих искр.

— Все живы? — Коджи вынырнул из-за деревьев и, врезавшись в меня, тут же отскочил, выставив меч перед собой.

— Стой! — крикнул я, поднимая руки вверх.

Тяжело дыша, Коджи опустил вакидзаси и повернулся к Кацу. Тот приподнялся на локтях и смотрел прямо перед собой широко распахнутыми глазами.

Когтистая рука, так ловко разделавшаяся с неопознанным сгустком, принадлежала женщине. Черт возьми, самой прекрасной женщине, которую мне когда-либо доводилось видеть. Высокая и гибкая, она была в широких белых одеждах — хакама и коротком кимоно, подпоясанном золотой веревкой. Руки от локтей до запястий стягивали светлые шнуры. Заостренное лицо с высокими скулами и алыми губами, удивительная форма глаз — изогнутая, вытянутая, манящая, а глаза — яркие, рыжие, с узкими хищными зрачками. Но самым поразительным был меховой золотисто-белый плащ, который словно вырастал из ее плеч. Мех частично покрывал изящные руки. А поверх него струились гладкие, блестящие белые волосы.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Прислонившись плечом к стволу дерева, она вертела в руках кинжал и равнодушно смотрела на нас. Кацу осторожно отполз, и Коджи помог ему подняться.

— Не теряй больше. — Незнакомка бросила оружие владельцу. Несмотря на замешательство, мой друг ловко поймал кинжал и поспешил убрать в ножны.

— Ты... ты кицунэ? — выдохнул Коджи. В его голосе послышались восторженные нотки.

— Не совсем. — Женщина выпрямилась. — Но ты близок к истине.

— Тогда кто ты? И что за твари здесь были? Это демоны? — Я сделал несколько шагов к ней, стараясь говорить ровно, но голос предательски дрожал. Я не понимал, боюсь или смущаюсь, как болван.

— Здесь нет демонов. Разве что я, — ухмыльнулась она.

Я замер, приклеившись взглядом к ее губам. Этот жуткий изгиб, так поразивший меня при первой встрече.

— Рэйкен, — выдохнул я имя. Из моих уст оно звучало как проклятие, но при этом подходило ей.

— Что? Старуха? — протянул Коджи. Или Кацу. Я не разобрал, потому что впился взглядом в ее прекрасное наглое лицо, которое в один миг стало омерзительным.

Я выхватил из рукава офуда, который успел сорвать с клетки, когда мы бежали в лес, быстро проткнул его стрелой и выпустил ее, целясь в полу мехового плаща, но демон подпрыгнула так высоко, что стрела пролетела под ее босыми ступнями, даже не коснувшись их, и воткнулась в ствол дерева.

— Запечатать меня хочешь этой штукой? — холодно рассмеялась Рэйкен. Вытянув руку назад, она вытащила стрелу из дерева и переломила пополам, талисман сорвала и смяла, а наконечник спрятала в рукаве. — В следующий раз лучше прикрепи себе на зад, проку больше будет. Может, убережешь себя от неожиданных приключений.

Я готов был разразиться руганью, броситься на нее и сражаться до последнего, пусть бы и длилась эта битва всего минуту, но тут Коджи рассмеялся.

— Плевать тебе на офуда, да? — сквозь смех спросил племянник.

Я изумленно застыл. Рэйкен ухмыльнулась и склонила голову набок, словно ее внезапно одолело любопытство.

— Что значит плевать? — не понял я. — На тебя эта штука не действует? Тогда почему ты не сбежала раньше? И зачем вернулась?

— Все лучше, чем сидеть в клетке. — Она пожала плечами. — К тому же мне жутко интересно, зачем ты купил меня. Разыскал же, забрался в такую глушь. Показался демону на глаза. Глупый ты, смелый или просто ничего не знаешь?

Рэйкен шагнула в мою сторону, и белоснежные волосы заскользили по земле.

— Пойдем, маленький хого Шин, найдем место для привала. И ты наконец расскажешь, что же тебе от меня нужно.

Затем Рэйкен обратилась к остальным:

— Я пойду впереди и, если почувствую, что кто-то из вас тянется к оружию, оторву голову. А если еще раз бросишь в меня эту дрянь, — она небрежно кивнула на смятый офуда на земле, — затолкаю ее тебе в глотку.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

